

ОПАСНОСТИ РУССКОГО СЕПАРАТИЗМА В РОССИИ

В предыдущих номерах ОГ были интересные публикации о сепаратистских настроениях в Калининграде. Калининградцы, постепенно окружаемые единым пространством объединяющейся Европы, тоже хотят в Европу, и многие готовы заплатить за усиление связей с ней ослаблением связей с Россией, если не просто отделением от «материнского корня».

Калининградский «сепаратизм» — абсолютно иного порядка, чем разные сепаратистские движения нерусских национальностей, с которыми мы уже сталкивались и будем сталкиваться в дальнейшем. Чеченский или татарский сепаратизмы — явления «нормальные», аналоги которым можно встретить где угодно — практически везде, где есть компактно проживающие на своих исторических землях меньшинства. Калининградский же — нечто совсем иное. Это не только не сепаратизм этнического меньшинства, но и не сепаратизм, основывающийся на субэтнических культурных различиях, типа известных в русской истории сибирского или донского. Никакого калининградского субэтноса, этнической группы, которая теоретически может развиваться в нацию, нет. Калининградцы — обычные русские советские люди, приехавшие сюда из разных концов России относительно недавно, их культура — усреднённая русская советская культура. Такой не этнический и не субэтнический сепаратизм, проистекающий не из преданности своему народу или этнической группе, а скорее от отсутствия такой преданности — явление очень редкое и я даже не знаю его подобий за пределами России. Между тем в современной России аналоги ему есть и их не так мало.

Мы уже несколько раз сталкивались за последние 10—12 лет с более или менее серьёзными и массовыми стремлениями русских территориальных групп «уйти из России», даже тогда, когда этот уход означает превращение в национальное меньшинство, нелюбимое и неполноправное. Первым ярким проявлением этого было голосование русских на разных референдумах о независимости в 1990—91 гг. Может быть, не все русские в Прибалтике понимали, что в независимых Эстонии и Латвии они окажутся без гражданства. Но то, что они — нелюбимое меньшинство, что коренные народы мечтают от них избавиться, что в независимой Балтии их связи с Россией будут крайне затруднены, они безусловно знали и понимали. И при этом не менее 25 процентов русских голосовали за независимость — то есть предпочли положение граждан второго сорта или даже «неграждан» в Европе положению «полноправных граждан» в России или в общесоюзном государстве вместе с Россией.

Кроме литовского, латышского и эстонского, в Балтии был и вполне русский сепаратизм. Многие, видимо, ещё помнят причудливые сообщения о том, что жители российского Ивангорода собирали подписи под петицией о передаче их Эстонии, что такие же подписи о передаче Японии собирали жители Курил. В Карелии, где карелов — небольшое меньшинство, русские мечтают об «еврорегио-не», тоже — полуотделённом от России и связанном с Финляндией. Теперь — Калининград, в котором многие готовы интегрироваться в Европу без России.

Что это значит? Совершенно ясно, что каждый раз стремление покинуть Россию связано с материальными стимулами. Это — нечто вроде эмиграции в более богатые страны вместе с территорией и всеми соседями. Менее хлопотно и

менее страшно. Однако русские всё же — не самая «материалистическая» нация на свете и мотивации русских стремлений отделиться от России — менее корыстны и более сложны. Дело не в бедности. Дело в ощущении бессилия и безнадёжности. Ощущении своего общества как не зависящего от тебя, тебе враждебного и главное — не поддающегося исправлению. Это ощущение стало нарастать в России по мере того, как западные общества демократизировались, а Россия продолжала оставаться самодержавным монолитом. Создатель образа Смердякова, жалеющего, что умные французы не завоевали Россию, не мог его просто выдумать — где-то Достоевский слышал такие мысли, которые по отношению к своей стране не слышал ни один европейский писатель.

При советской власти, особенно на первых порах, чувство бессилия человека перед обществом и общества перед властью и соответственно — нашей социальной и культурной «ненормальности» и «безнадёжности» компенсировалось революционной идеологией, ощущением мощи и блеска государства. Это было похоже на то, как слуга гордится богатством и могуществом своего господина. Но сейчас эти компенсаторные факторы исчезли. Вместе с тем власть всё равно не стала реально исходящей от народа и зависящей от него. Всё важное, что произошло за последние десять лет — и распад СССР и превращение России в «независимую державу», и приватизация, и избрание Путина — совершалось фактически без какого либо народного участия.

Чувство бессилия и безнадёжности после падения советской власти могло даже усилиться, ибо стало ясно, что дело не в режиме, не в коммунизме, а в чём-то более глубоком — в том, что определяет одинаковую безответственность перед народом разных сменявших друг друга и идеологически противоположных режимов — в самом нашем национальном организме. Если бы калининградцы считали, что их беды, допустим, — от плохой политики Путина и надо, объединившись со всеми его противниками, убрать его и сделать президентом, скажем, Зюганова, у них не было бы чувства бессилия и искушений вообще покинуть эту страну. Но в том-то и дело, что они чувствуют, что ничего не могут, что президенты, режимы, идеологии у нас меняются так, что их никто и не спрашивает, и любая власть оказывается независимой от них и безразличной к ним.

На поверхности у нас — скорее национализм и шовинизм. Но все столь популярные у нас утверждения о нашей особой «цивилизации» и особом пути развития имеют оборотную сторону. Ведь принципиальная особость легко может восприниматься как принципиальная безнадёжность. «Русские сепаратисты» как бы согласны с тем, что Россия — особая страна, с особым путём развития, но именно поэтому подумывают от неё избавиться.

Конечно, к такому сепаратизму можно относиться с иронией. Ведь совершенно очевидно, что никогда калининградцы не будут бороться за свободу Калининграда от России, как борются чеченцы за свободу Чечни. Но они — симптом глубокой национальной болезни, всё растущей «хрупкости» российского организма. За суверенитет Калининградской области никто бороться не будет, но в ситуации какого-то большого кризиса может оказаться, что у российского государства будет так же мало защитников, как мало их оказалось у СССР.

Остановить рост таких настроений, естественно, не может никакая централизация. Она может, напротив, только его ускорить. Его могут остановить только серия реальных демократических преобразований (начиная с выборов верховной власти), которые дадут русским людям ощущение того, что их страна действительно принадлежит им. Но если наступление таких преобразований затянется, наша «хрупкость» может достигнуть таких размеров, что это лекарство уже не поможет. Для чего калининградцам мучаться, бороться за какую-то

общероссийскую программу и какого-то кандидата, который может оказаться и не таким уж хорошим правителем, когда можно просто воспользоваться суматохой и улизнуть в Европу?

С точки зрения мировой истории и человечества в общем безразлично, как будут развиваться отдельные «куски» России — вместе или порознь, и как Россия будет интегрироваться в большой мир — «целиком» или отдельными регионами, оказывающимися под покровительством более развитых соседей. Но на протяжении веков в Россию было вложено так много сил, что её распад — всё-таки обидная перспектива.